Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НАБАТ

КЛИЧ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Под красныя знамена!

В защиту революции!

К победе!..

1918

ИЗДАНИЕ ПРОЛЕТКУЛЬТА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НАБАТ

КЛИЧ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Под красныя знамена!

В защиту революции!

К победе!..

Це **50** коп

1918

ИЗДАНИЕ ПРОЛЕТКУЛЬТА.

Набат.

Ты слышишь звон, тревожный и *мятежный*,
Товарищ брат?
На смертный бой, кровавый, неизбежный
Зовет набат.
Жестокий враг над юною свободой
Занес булат.
На вольный край опять идут невзгоды...
Гудит набат.

Кто к звону глух,—кует себе оковы.
Тот рабству рад:
Товарищ, друг, ты слышишь эти зовы?
Гудит набат.
Восстань, пора,—вещает голос медный...
Ты слышишь, брат?
На грозный бой, последний и победный,
Зовет набат!

Владимир Кириллов.

Под знамя Советов Рабочих, Красноармейских, Краснофлотских и Краснокazачьих Депутатов!

Под градом враждебных, предательских пуль германских и англо-*французских империалистов, пущенных* в спину Советской России извне, —внутри того же социалистическаго *отечества, слуги тех же капиталистов* — меньшевики и социалисты-революционеры, вместе с разнаго *сорта отбросами капиталистическаго* строя — организуют выступления и подлые заговоры против диктатуры трудовых масс — Советов Рабочих, Красноармейских, Краснофлотских и Краснокazачьих Депутатов!

десятый месяц держится эта власть, власть свободнаго труда. Держится при исключительных обстоятельствах.

Везде хозяйственная разруха, как последствие безумной империалистической войны, бездарнаго и преступнаго хозяйничания царскаго и коалиционнаго правительства, результатом чего опять-таки при демобилизации военной промышленности—десятки и сотни тысяч рабочих и *работниц остались без дела.*

Разстройство транспорта довело крупные центры до полнаго голода, *а это и нужно разным болезням и* епидемиям, чтобы почистить население фабрично-заводских предместий...

Но, несмотря на все, социалистический пролетариат в России, первый поднявший знамя этого восстания, смело держит его еще сих пор в своих мускулистых руках.

Под знаменем Красных Советов Свободнаго Труда объединились все честные труженики и своим блестящим подвигом показали путь пролетариям всех стран, как нужно *завоевать* и *удержать* трудовую пролетарскую власть.

Советская Россия — это первый фундаментальный камень социалистическаго строя; это первый солнечный луч из царства грядущаго, из царства великаго будущаго. Преодолев ужаснейшия препятствия, как-то спасаясь только чудом — строится действительно Великая Россия.

До сих пор было принято свободной землей считать Францию, а теперь волей-не-волей — придется считаться с этой реальной „Утопией“ —всеми рабовладельцами ненавистимой Россией.

И если Парижскую Коммуну разбили, то Российскую Коммуну не так легко...

И как бы империалисты всех стран и всех пород этого ни хотели! И на смертельный страх и ужас Черному Империализму растет новый герой, новый судья, судья истории — Социализм!

Марш Красноармейцев.

Битва Советам, Коммунам об'явлена
Черною сворою международною...
Армией Красной, Советской, Народною
Гидра стоглавая будет раздавлена.
Красное знамя над міром развеется...
Мощь пролетарская в міре единая,
Красная Армия непобедимая,
Сила Советская, сила народная,
Сердце мятежное, воля свободная,
Стойкая, грозная, несокрушимая,
Смело вперед!—

В битве последней и в битве решительной,
За освященное кровью дымящейся,
Кровью омытое,—право трудящихся,
Мы победители силы губительной...
Мы победители черных насильников.
Мощь пролетарская в міре единая,
Красная Армия непобедимая,
Сила Советская, сила народная,
Сердце мятежное, воля свободная,
Стойкая, грозная, несокрушимая,
Смело вперед!

Честью отважных и павших могилами
Смело клянемся за право народное
Всѣм умереть иль вернуться свободными...
С битвы решительной с черными силами—
С честью отважных вернемся с победою.
Мощь пролетарская, в міре единая,
Красная Армия непобедимая,
Сила Советская, сила народная,
Сердце мятежное, воля свободная,
Стойкая, грозная, несокрушимая,
Смело вперед!

И. Садофьев.

☆☆☆

Народным героям.

Слава героям народа!
Слава идущим на бой!
Равенство, Братство, Свобода!
Вот их девиз боевой.

Каждый из нас провожает
Сына, отца или дочь.
Будут ли живы... Кто знает?
Мрачна безмолвная ночь...

Утро румяное сменит
Мраком объятую ночь,
Лик свой природа изменит,
Тѣни развеются прочь...

Близок тот час! Торжествуя,
Вольный рабочий народ,
Козни злодеев минуя,
Власть капитала сотрет!

Бодро, друзья, вы идите,
Дружно навстречу врагам!
Дело свободы творите,
Братья откликнутся вам!

Внемлют с надеждой милльоны
Гулу последней борьбы, —
Грозно идут легионы
Смело навстрѣчу судьбы!

Братья, герои свободы,
Жертвуйте жизнью своей!
Скоро возстанут народы,
Иго низринут цепей!

Смело, без страха идите
Крепкой стѣною вперед!
Дело святое творите,
Память о вас не умрет!

Страничка Красной Истории.

Правительства Европы, продававшия своих подданных, как товар, и питавшияся кровью своих народов, с ужасом смотрели на Францию, опрокинувшую трон короля и провозгласившую равенство всех в государстве.

Она грозила стать очагом революционной заразы, подавая порабощенным гибельный пример бунта не только во имя временных, поверхностных улучшений, но и коренных, вечных преобразований.

Потому что новый порядок вещей значит — законность.

Справедливость.

Братство.

Свобода!

Правительства не могли этого потерпеть.

Беда, как грозовая туча, надвигалась на королей, императоров, герцогов. помещиков, чиновников, богатых и на плутов всех рангов!

Трепетали перед тучей в тогдашнем Петербурге, Берлине, Вене, Лондоне, Стокгольме, Риме.

Трепетали—и силою оружия решили раздавить Францию, как только что была раздавлена и разделена Польша за то, что хотела свободы и равенства, одушевляемая своими демократическими вождями и преданная своими магнатами, чиновниками и попами.

Собраны были огромныя силы, и в союзе с контр-революционерами Франции,—с так называемым цветом страны — с помещиками, офицерами, с авантюристами и стемными людьми— ринулись на бой с Революциею.

Со всех сторон окружили Францию, занятую строительством и не помышлявшую о каких бы то ни было войнах.

Пришел, новидимому, конец великой стране, воспрянувшей от рабства.

Конец равенству, законности, справедливости, свободе!

Революционной Франции изменили генералы, офицеры, дворяне, чиновники, попы, журналисты, банкиры, даже во многих местах крестьяне. Она одинока. Кто прольет за нее и за ея заветы свою кровь, и алой кровью своею окрасит ея вселенское знамя?

Радовались контр-революционеры близкой гибели Франции.

Подло потирали руки.

Учитывали барыши, которые выпадут на их долю.

Подводили итоги жертвам своего мщения.

Кровожадно облизывались.

Называли революционную Францию бесштанною, потому что она была нищенски бедна, изнемогала от голода и стояния в хвостах, от изобилия бумажных денег, от неимоверной дороговизны товаров и продуктов, от безработицы.

Но да здравствует беднота, да здравствуют бесштанники, да здравствуют санкюлоты!

Санкюлоты — мужественные бесштанники — спасли Францию.

На юге Франции в Марселе развернули они великое знамя спасения родины и, как лава, прошли с криками восторга по стране—с криками, быстро слившимися в потря-

сающее громоблещущее пение Марсельезы: „Долой Тиранов"!

Батальоны санкюлотов росли на своем пути, разрастались, ширилось народное одушевление, гремела все грознее и сверкала молниезарнее Марсельеза—и самые равнодушные поторопились пристать к могучему потоку...

И в то время, как на стороне бесштанников были неопытные полководцы — без прошлаго и, можно сказать, тоже без штанов, европейская коалиция располагала великолепно обученными войсками, и вели их ученые генералы, и не только в штанах, но и в штанах с лампасами.

И история разсказала уже, чем кончились эти бесславные для европейских жандармских правительств походы на Великую Революцию.

Победили бесштанники, и над всем міром стало веять красное знамя...

Товарищи Красноармейцы, минуты, переживаемыя вами сейчас, столь же грозны и столь же величавы... Нет, они еще грознее, но зато и величавее... И история нашего времени сложнее и всемірнее, и интересы народов безсмертнее и безконечно глубже.

Но беззаветно верю я, что трудности предстоящаго вам боя не устрашат вас, а окрылят, и чем скорее опрокинете вы чехословацкие и другие барьеры на вашем славном следовании к победе, тем решительнее история произнесет свой приговор правительствам и народам.

Пример победы санкюлотов над организованными армиями тиранов не единственный в летописях борьбы народных стихий с их угнетателями. И пастухи, не раз случалось, побеждали гордых рыцарей.

Великая, великодушная, простирающая братския об'ятия всем угнетенным народам и порабощенным классам міра, истекающая кровью Россия, вверяя вам свое Красное Знамя, знает, что все будущее не только ея, но и будущее вселенной в ваших руках — по крайней мере, на долгое время.

Вперед—да хранит вас, товарищи герои, безсмертная Красная Исторія, уже вписавшая ваши благородныя имена в свою славную книгу.

М. Чуносов.

К оружию! К борьбе!

На холмах наших братских могил
Мы смотрим грозно в глаза судьбе:
Час пробил, час пробил
К оружию! К борьбе!
Враг сжимает нас тесным кольцом.
Кровью залит каждый наш шаг!
Но ты видишь во мраке ночном
Реет наш революционный стяг!
Бьется сердце восторгом призыва,
В нем горит ясных радостей свет.
Наша музыка—цепь Коллектива —
Мы на грани грядущих побед!
Мір в кровавой борьбе опочил,
Шлем проклятие грозной судьбе!
Час пробил, час пробил!
К оружию! К борьбе!

Александр Поморский.

Клич.

(Вольный перевод с латышскаго—из Янис Земзаритс'а).

Коммунары!.. Легионы Коммунаров, выходите
Смело, стройно,
В бой последний... Революция зовет.
Коммунары, поспешите!
Враг жестокий, злобный, черный—
У ворот...
Взор орлиный наших глаз
В этот вещий, грозный час—
Видит вражьи толпы, банды, вражьи стаи, вереницы,
Лица—мщенье, руки—когти, души—черныя гробницы...
Их набеги, их движенье—
Революции, Советам смерть несут,
Коммунарам цепи рабския куют...
. . . . . .
Коммунары! им навстречу, за Свободу,
Двинем наши роты, взводы,
Эшелоны и дружины...
Наши мускулы-пружины
В напряженьи,
Ждут сражений,
Битвы ждут...

Вдохновенныя сердца
Гневом гордых и отважных ярким пламенем горят...
Нервы—струны тихо, нежно,
Напевая, говорят:
В битве классовой, священной, неизбежной—
Биться храбро--до победы, до конца!..
Слух наш чуткий
Раздражает вражьих полчищ безпощадных
Смех злорадный, смех звенящий,
Крики злобы и проклятий голоса,
Как шакалов кровожадных
Вой протяжный, дикий, жуткий,
Леденящий и мертвящий,
Оглашающий равнины и леса...
Пусть наш Разум Коллективный силу вражью измеряет...
. . . . . .
Битвы первой, раны первой—боль остра...
Кровь, дымясь, течет-струится и сверкает—
Светом Краснаго костра...
Рана в сердце... Стиснув зубы и безстрашно и проворно,
В бой решительный, последний поспешим...
И врагов, шакалов черных—
Победим!..
Уничтожим и с лица земли сотрем!
И над Миром Знамя Красное Свободы развернем...

Перевел: ***Илья Садофьев.***
(Аксень—Ачкасов).

Красные и белые.

I.

Вадим ходил по гостинной и ерошил своей большой рукой курчавые волосы на голове, откидывая затылок и возбужденно говорил:

— Я не могу изменить! Я всегда так верил и верю!

Молодая девушка, круглолицая, с толстой белокурой косой, бежавшей по плечам, заметила, отрывая глаза от местной газеты, лежавшей на ее коленях:

— Но, Вадя, разве ты не примкнул к большевикам? Тебе даже вверены какие-то большие тайны!

Вадим остановился, решительным жестом взбил свои каштановые кудри и спросил:

— Ты читала „Альпухары" Мицкевича?

— Я не знаю польскаго языка.

— Русский перевод есть. Поэт описывает, как мавр заразил свои одежды, проник в стан врагов, притворился другом и внес чуму в их лагерь...

— Ты хочешь быть мавром? Жаль тебя. Поэму я считаю безнравственной, низкой...

— Ничего не понимаешь ты в политике. Партия поручила мне!

— Не нравится мне твоя партия.

— А я с тобой разговаривать больше не хочу. Я думал, что тебя могут убедить хоть факты, но ты безнадежна.

— Я так верила тебе... твоей искренности!

— Да, я искренний революционер. В жертву интересам моего дела я готов принести все свои личные интересы.

— Значит то, что происходило вчера здесь у нас... Значит, ты разыгрывала комедию?

— „Альпухары"!

Ольга вскочила, газета упала на пол.

— Да будут прокляты твои Альпухары!—вскричала она.

Он с соболезнованием посмотрел на сестру.

— Ребенок!—произнес он и хотел подойти к ней со снисходительной улыбкой, а в глазах его стояло торжество.—Я потому так откровенно заговорил с тобою и раскрыл себя, что об этом говорит уже весь город... Корабли сожжены. Вчерашнее собрание у нас было последним. Маски сброшены. И, помолчав, он прибавил своим глухим трагическим голосом:—А они уже в городе, и я жду только сигнала.

Ольга бросила на брата недоумевающий взгляд, и в то же время, как бы в ответ на ее безмолвный вопрос, раздалось характерное стрекотание пулеметов.

Профессор Ядров вбежал в комнату, седой, плотный, в темных очках.

— Что такое? Что происходит?

— Успокойся, отец,—сказал Вадим.—Происходит переворот. Кончится благополучно.

Старик, придерживая халат у живота одной рукой, а в другой держа какой-то греческий фолиант, бросился к окну, которое было раскрыто, наскоро захлопнул его и взял на крючки.

II.

Древний провинциальный город с утра был весь во власти тревожных слухов. Еще накануне вечером, когда в доме Ядровых заседал „малый совет", как называли себя более влиятельные члены местного „совдепа" и лидеры большевиков, купец Обалдуев, глава монархистов и председатель тайного общества „белых", протоиерей Благовещенский поделились с друзьями достоверным сведением, что в Москве свергнута советская власть и к ним на помощь с экстренным поездом мчится с пушками отряд победителей. Правда, победители принадлежат к партии революционеров и к ним примкнули меньшевики. Но в отряде много благомыслящих, много „наших", шептал протопоп,—и в конце концов, нельзя сомневаться, чья возьмет.

Рабочие посмеивались над слухами. Грозили буржуям принудительными работами, и на всякий случай назначен был митинг, чтобы выяснить истинное настроение города.

Как всегда, торговали на площади крестьяне. У продовольственных лавок стояли хвосты, и бабы судачили и передавали из уст в уста самые дикие новости: о воцарении то Антихриста, то Михаила Александровича, то распутной женщины, забеременевшей от трех растриг.

III.

Стрекотали пулеметы— и вдруг бухнула пушка. Задребезжали стекла в окнах. Улицы наполнились народом... и как-то сразу опустели. Иногда скакали верховые. Скакали извозчики, и вслед им хлопали револьверные выстрелы бежавших милиционеров.

Через полчаса город успокоился: переворот совершился. Вадим поздно вернулся домой. взволнованный, с темными кругами около глаз, голодный, странно радостный.

— Ну что?

— Я не виноват. Приговорили.

— Кого? к чему?..—спросил профессор, протирая очки.

— Тебя?!—испуганно выкрикнула Феодосья Павловна, мать Вадима.

Вадим сердито взглянул на отца и мать.

— Их приговорили!

— К смерти?

— К разстрелу.

— Твоих друзей?—шепотом спросила Ольга, хватаясь за спинку кресла.

— Моих врагов... Что вы замолчали? Этим должно было кончиться,—начал Вадим.—Их ненавидели. Двух-трех растерзал народ. Было возмутительно, конечно—как всякая жестокость, но момент... надо учесть момент...

— Растерзала черная сотня, а не народ!—возразила Ольга, прижимая платок к глазам.—И Цуриков—он тоже? Что с ним?

— Тоже.

Ольга простонала и шатнулась к матери.

IV.

Мимо дома под окнами как-раз шла процессия. В свете заходящаго солнца веяли знамена, красные с революционными надписями, и тут же несли церковные хоругви и кресты, сверкавшие золотом, и чьи-то олеографические забытые портреты... Толпа ревела: „Спаси Господи, люди твоя“.

— Вадя! — Воскликнула Федосья Павловна.—Куда ты? Как бы и тебе чего не сделали!

Вадим махнул рукой и быстро вышел из комнаты.

— Я еще не ел и хотел перехватить дома чего-нибудь. Но встретил враждебные взгляды и охи...Надоели!

Слышно было, как он сбежал с лестницы, и железный болт у входа с грохотом упал за ним на пол.

Хозяйственная и аккуратная Федосья Павловна бросилась на лестницу задвинуть болт. Но то, что она увидела на улице в хвосте шествия, пронизало ее душу нестерпимою болью.

Несколько человек, с бледными лицами, тащили веревками за ноги мертвых, залитых кровью и полуобнаженных. У одного болтался глаз на щеке. У другого трупа рот был разсечен до ушей и, казалось, мертвец кричал небесам грозные слова, тонувшие в общем гаме и шуме.

V.

Красивая дама — жена приват-доцента Грязнова — известная в городе щеголиха, певунья и любительница пикников за Волгу, шла, подобрав, и без того короткое, платье, рядом с трупами, и на ее бело-ро-

зовом лице змеилась улыбка. Наконечником франтовского зонтика она вдруг ткнула в мертвое тело, злобно закусив нижнюю губу.

Федосья Павловна оцепенела, и побелели ее широко раскрытые глаза.

Она видела еще, как ее сын, гордость и утешение ее старости, подошел к профессорше, взял под руку и утопленным шагом повел дальше.

Показалась новая процессия с новым лесом хоругвей и нестройным ревом, вырывавшимся уже на етот раз из явно пьяных глоток: „Спаси, Господи, люди твоя"...

— Мама, что же ты тут стоишь?— сказал профессор сверху. — Неблагоразумно! И Ольге надо помочь. Рыдает, головой бьется — Цурикова признала...

Старался профессор быть равнодушным, но не выдержал, и голос у него сорвался.

VI.

Два дня прошло.

Стали известны подробности переворота.

С поездом в то утро прибыл эшелон белогвардейцев под видом красноармейцев и, руководимый эс'-ерами, захватил арсенал и казармы, разогнал совет депутатов и после короткаго сопротивления арестовал всех видных вождей политических, просветительных и профессиональных организаций. Рабочие дали тревожные гудки и собрались на площади. Но эс'-еры двинули против них пушку.

Ликовали купцы, духовенство, бывшие офицеры и чиновники, содержатели непотребных домов, ренсковых погребов, всѣ падкие до уженья рыбы в мутной воде и всѣ, у кого лицо повернуто назад.

Радовались расстрелам, о которых кратко оповещалось в бюллетенях победителей. Уже расстреляно было сто двадцать девять большевиков. Перед казнью над ними издевались, плевали в лицо, били по щекам.

Мадам Грязнова вылила на пленных рабочих, которых вели мимо ее балкона на баржу под арест, и на пытку голодом, горшок с своими помоями...

Уже на другой день вышел листок с широко-вещательными статьями о „победе света над тьмою", „порядка над разрухою", „истинной демократии — над пролетариатом", „красоты над безобразием" и „довольства над скудостью". Гостиный двор торговцы разукрасили красно-бело-синими флагами и поглаживали свои животы, потирали руки.

А в залах городской думы зажиточная буржуазия чествовала роскошным обедом и шампанским „дорогих" гостей.

VII.

Шло все благополучно... Старая жизнь воскресала и глумилась над мечтами и делами новой, которая зарывалась „навеки" в братскую могилу и придавливалась камнями. Черносотенный чертополох внезапно и пышно расцвел, и уже, уцелевшие после страшнаго суда, пристава и городовые строчили прошения о приеме их на вторичную службу „на пользу отечества".

Но как же случилось, что Москва, освобожденная, по местным досто-

верным известиям, от „ига“ советской власти, прислала отряд красноармейцев для погашения контр-революции и для наказания убийц и изменников? Многие сначала не хотели верить. Но когда по ту стовону великой реки забелели палатки и разставлены были орудия, эс'-еры, белогвардейцы и черная сотня приуныли; однако, веры в силу своего тройственнаго союза не утратили. Стали ожидать осады, отвергли предложение о сдаче.

VIII.

Бои начались в тот же день после обеда. Белогвардейцы выступили с музыкою, но не в состоянии были сесть на пароходы под губительным огнем советского войска.

Откуда у них, неопытных красноармейцев, такой прицел и когда они успели пристреляться к пристани?

В то же время стало заметно движение на том берегу. Целая флотилия была снаряжена и смело двинулась на противника.

Оба берега посылали огонь друг другу.

Вадим, долго служивший на фронте, командовал мятежниками.

Красноармейская флотилия между тем разделилась на два крыла, и начался перекрестный обстрел города. А из за старинной городской стены летели снаряды в лагерь осаждающих и куда попало.

Красноармейские чемоданы разрушали город.

Упали главы с церквей и с колоколен древнего монастыря.

Срезан был весь этаж с фундаментального здания острога.

Разбежались арестанты; и уголовные преступления — грабежи, убийства и изнасилования девушек участились и стали язвою города.

Жители бросали дома, прятались в погреба и в подземелья.

IX.

Ядровы перебрались в подвал.

Профессор осунулся и похудел, но все же захватил с собою источники своей монографии о русских храмах, которая начиналась словами: „На сколько русские храмы семнадцатого века сотканы из радости, кроткого умиления и благодарности Творцу, на столько противоположно строительство пятнадцатого века, когда русский человек творил свои храмы в моменты тоски и жажды умилостивить безпощаднаго Бога“...

Федосья Павловна, когда то возведенная профессором из кухарок в действительные статские советницы, страдала и даже плакала, но совсем не потерялась и, пока длилась осада, пробиралась на рынок, захватывая с собою зонтик, в простоте сердца полагая, что все-таки это защита от шрапнели, умудрялась приобретать с'естное и готовила на керосинке вкусные обеды.

Больше хлопот доставляла ей Ольга. Девушка как будто помешалась, взгляд ее стал неподвижен, и она ходила безконечно из угла в угол. Когда ее спрашивали, что с нею, она отвечала с страдальческою улыбкой:

— Не мешайте... пусть снится...

А снилось ей, что брат Вадим стоит на высоком помосте с засученными рукавами и рубит топором головы своим товарищам, и кровь брыжжет на него, и весь он от

нее красный. Снилось одно и то-же только брат, только эшафот, только Белобородко, Евменов, Цуриков и другие товарищи, головы которых скатываются с помоста одна за другой по ступенькам к ее ногам.

X.

Грохот орудий был так силен, что дрожала земля.

Падали соседние дома, каменными брызгами разлеталась во всѣ стороны мостовая, стекла были перебиты.

По ночам густой мрак, то и дело, вспыхивал от белокалильного света ракет, воздух наполнен был громом выстрелов, ревом автомобилей, криками и стонами людей...

Если бы спросили у Ольги Александровны, сколько прошло дней, она не могла бы сказать:— пять или десять дней.

Но в утро, когда красная армия одолела мятеж, Ольга вдруг проснулас и обратила внимание, что на всем в подвале дрожит красный свет. Никогда раннее утро не начиналось таким красным трепетом. Девушка выбежала из подвала и на дворе встретилась с Федосьей Павловной, вернувшейся с рынка первый раз с пустыми руками.

— Ольга, куда ты?—спросила она и обрадовалась, когда Ольга, в свою очередь, спросила:

— Где горит?

— Пришла в себя! Мать Пресвятая Богородица! Гостиный горит!— отвечала Федосья Павловна, обнимая дочь.—Как ударило этто, так и запылало. Товару то сколько... товару...

— А чорт с ним!—с непривычной грубостью во враждебно-зазвеневшем голосе вскричала Ольга.

— Но тебе лучше, лучше, милая?

— Оставьте, мама. И чему обрадовались! Где Вадим?

— Не является наш Вадим. Где он? А я знаю? Комендантом стал. А бают, будто уж и сбросили... Не даром, ох, не даром с потаскухой Грязновой спутался. Муженек то в Петрограде. Ой, батюшки, ой святители, угодники Божии, смотри, что деется!

Пахло гарью, тянуло дымом.

Летели лоскутья обгорелых материй.

Взвивались к небесам огненные снопы.

Безтолково кружились в воздухе голуби.

Один за другим разрывались там и здесь снаряды и белые облачка свои кидали в зловещее, дымное, черно-багровое, веявшее над городом, широкое знамя смерти.

До сих пор судьба щадила дом профессора Ядрова. Но удар в ворота вдруг разбил их в щепы.

Обнажилась, сизая от дыма, улица с развалинами домов и павшей у панели оседланной белой лошадью, придавившей собою всадника, который тщетно силился выбиться из под ея туши.

Был это и последний удар. Канонада замолкла. Страшная тишина внезапно разлилась в городе, и из глубины ее стали слышны перекликающиеся набаты, возвещавшие о пожаре Гостиного двора.

Ольга Александровна и вслед за нею Федосья Павловна побежали

к Вадиму, чтобы помочь ему:—узнали всадника. Он был ранен осколком шрапнели в лицо в ту минуту, когда под'езжал к родному дому, а лошадь его была убита и, падая, он сломал себе ногу.

Пока около него возились мать и сестра, передовой отряд красноармейцев, на милость которых сдали побежденные белогвардейцы несчастный город, проходил по улице в стройном порядке с красными знаменами и с интернационалом, медные звуки которого вещали о неизбежном наступлении и торжестве новой жизни, о братстве народов, о равенстве, о том, что всё для всех и всѣ богаты, а не одни только избранные, праздные, титулованные, стяжающие и собирающие в житницы свои и сокровищницы...

Максим Белинскій.

Искры.

1.

Мы подробностей не знаем,
Какъ устроимъ рай земной;
Но его не окружаем
Неприступною стеной.

Нам грядущее поможет,
Настоящим не кори —
Приходи и строй кто может,
И работай и твори.

2.

Старый міръ вражды и зла
Чиститъ грозная метла:
Солнце новое взошло,
Старое погибло зло.

Властелином стал народ,
Дерзко ест запретный плод.
С ним и острый меч, и щит...
Настеж рай для всех раскрыт.

3.

Собрание на платье складок
Еще не признак платья:
Мораль, развитие, порядок —
Формальныя понятья.

Сегодня так, а завтра этак —
И на земь звезды пали,
И царь развенчан напоследок,
И нет былой морали.

4.

Владеем мы мечем,
Творим и познаем.
Среди гипотез и туманов
К звезде своей идем
Большой дорогою титанов.
Мы дряхлый мір убьем,
Мы смертный бой ведем
С сѣдою тучею обманов.

Іер. Ясинскій.

Месть.

Дарья накрошила хлеба в деревянную чашку, налила щей и постнаго масла и поставила на стол.

— Ну, детки, берите ложки — тюря хорошая...

Но дети не брали ложек.

Машутка сидела, надув губки, моргала светлыми глазками и жалобно протянула:

— Мама, а где тятенька?

Дарья поправила на голове платок и не сразу ответила:

— Тятенька придет — потом. Ешь! Гришутка! А ты!

Гришутка нахохлился.

— Не хочу.

И угрюмо сказал, помолчав:

— Хочу ужинать с тятенькой.

— И я с тятенькой!

— Что вы, пострелята, не верите? Говорю вам — придет... Работа, стало быть, у него.

— А ружье с собой зачем взял?

В ответ Дарья только поцеловала детей. Они заплакали.

— Ну, зарюмили! Ешьте, а то возьму и сама с'ем. Ах, что мне с вами делать! Знаю что: — отведу вас к деду Ивану!

— Ладно,—сказал Гришутка, недоверчиво покосившись на мать и принимаясь за еду.

— А ты, сюза?

Машутка, по примеру брата, взяла ложку.

Дарья, подперев щеку рукой, смотрела на детей и тревожно прислушивалась к чему-то на улице.

— Господи! тоскливо думала она. Неужели же поп правду говорил, что придут? Чем только все это кончится.

Она с тоскою перевела взгляд в угол на безучастные образа, засиженные мухами.

Далеко залаяла собака. Дарья схватилась с места и прижалась лбом к стеклу темнаго оконца.

За окном шумели березки и казалось, что перешептываются они между собою о чем-то важном и таинственном. Прячась в облаках, на небе изредка показывалась луна краюшком серебрянаго луча между пробегавших мимо тучек и снова исчезала в глубине неба.

Вдруг собака обрывисто замолкла. Тявкнула и перестала лаять. Было тихо, словно вымерла деревня, заснула.

Но Дарья знала, что едва-ли кто будет спать в эту ночь. Знала, что и у других, как у нея, скребут на сердце кошки и что не один ея муж ушел куда-то сегодня утром (а куда — никто не знал), и многие бабы как бы осиротели...

Кулак же Селиверстов, лавочник и трактирщик, с тремя другими богатеями и с отцом Нифонтом после обедни пошли наверх в трактир и чему то радовались, и пили пиво и ели селянку, и посылали куда-то верхового гонца с пакетом.

„Придут, почистят деревню, отделят овец от козлищ"!—вспомнила Дарья странное пророчество отца Нифонта, когда он утром говорил в церкви проповедь.

Да и Никифор, прощаясь с Дарьей, сказал, чтобы она не скоро ждала его—и все бумаги в печке жег — должно быть, комитетские, потому что в деревенском комитете он был за главнаго, и всякое дело зависело от него.

Какая-то беда может стрястись над деревней, и на деревню „идут"... А кто... и зачем?

Дарья почувствовала, как слезами наполнились ея глаза, сделала над собою усилие, отошла от окна и начала заботливо укладывать сонных Гришутку и Машутку.

— В постельку, живо!

Гришутка сполз с лавки, перекрестился на образа и лег, не раздеваясь, на доски вроде нар, покрытые грубой дерюгой с парой небольших подушек в красных наволочках, лицом к стене, свернулся калачиком и уснул.

Дарья потом осторожно взяла на руки Машутку и положила рядом с братом, и почему то, руково-

дичая темным предчувствием, тоже не раздела девочку.

— А деток береги!—мелькнуло у ней в уме наставление прощавшегося мужа. Видом, правда, и он был весел и крепко поцеловал ее.

— А может, и обойдется, и все благополучно кончится. Урожай, слава Богу, у нас хороший, есть и птица, и коровка, и денег в запасе не одна бумажка. Вернется и зажили. Займусь-ка я пока делом.

Она поправила фитиль в лампе, взяла иголку, начала шить новую рубашечку Гришутке из вымененного на зерно ситца.

Шила и вспоминала молодость с хороводами, песнями, с работой в жнитво, с поцелуями суженаго, ставшаго ей мужем, с тихой и спокойной жизнью после свадьбы, с огорчениями и радостями, когда вдруг пошли дети, обновки, стало накопляться добро и заблеяли свои овцы, захрюкали свои свиньи, замычала корова, заржали лошадки.

Большим горем было для Дарьи, да *и для Ниифонта, когда взяли* его на войну. Но хоть он долго бедствовал в окопах, вернулся здрав и невредим, и началось новое строительство — пришлось ему поправлять и прирастать хозяйство, и участвовать в общественных делах; и стал он председателем в комитете, и стал спорить он с богатеями, с купаками, с самим отцом Нифонтом, от котораго отобрал для бедных крестьян церковную землю...

Вспоминала Дарья свою жизнь, летели ея мысли одна за другою, шила рука, поднимаясь, опускаясь, над пестреньким ситцем, и показалось ей, что гаснет лампа.

Она подкрутила фитиль и хотела подлить керосину — встала и замерло у ней сердце от ужаса, и подкосились ноги: в наружную дверь в сенях застучали — стук был какой-то вызывающий, враждебный, наводящий ужас.

Она хотела двинуться с места и не могла.

А стук стал еще громче.

Наконец, грозно кто-то закричал:

— Эй, вы там! открывайте дверь, — не то выломаем!

Глянула Дарья в окно — двое стояли с ружьями под окном, а по улице ходили тоже с ружьями

— Батюшки светы! — подумала Дарья: — разбойники!

Гришутка проснулся от стука и заплакал, подбежал к матери, крепко схватился за ея сарафан.

Наружная дверь с треском упала в сенях, и в избу, нагло распахнув дверь, вошли незнакомые люди.

Их было пятеро. На одном была франтовская военная курточка — френч, штаны широкие у бедра и узенькие к низу — галифе — и высокие лакированные сапоги. Он был молод, рыжеват, строен, красив собою и бледен от злости. Конечно — начальник. Помощником его или подручным был маленький, черный и юркий, с волосами на голове, пышными, взбитыми, как войлок, и в фуражечке на затылке. У этих в руках были револьверы и плети, а остальные держали по винтовке.

Рыжеватый подошел к Дарье и спросил:

— Где твой муж?

— Не знаю! — Обезумев от страха, чуть слышно сказала Дарья. — Не знаю!

— Говори... На смерть запорю,— крикнул допросчик и ударил женщину плетью по лицу.

Дарья зашаталась, словно огнем ожгло ей голову. Один глаз сам собою закрылся.

— А-а!—застонала она и обеими руками сжала свое окровавленное лицо.

Гришутка рванулся от матери и забился под лавку. Проснулась Машутка, заголосила.

— Усмири щенка!—крикнул рыженатый черненькому.

Черненький подошел к малютке и ударил ее плеткой. Машутка вскрикнула и замолчала: может быть потеряла сознание. Солдат с винтовками передернуло. Нахмурились!

Рыженатый посмотрел на них с упреком, презрительно, и снова обратился к Дарье:

— Ну, так, как-же? скажешь теперь, где твой председатель собачьяго совета? Ну?

Дарья ничего не соображала и не видела, кровь текла по лбу с ея головы, она протянула вперед руки и пошла к нарам.

Но удар сапогом в живот отбросил ее назад на лавку.

— Ну, скажешь, наконец?

— Не знаю, где он,—слабо простонала она.

А сволочь, Лявков, вздуй-ка ее, как следует!

— Будет помнить и другим закажет, и черненький, с этими словами, занес над нею плеть.

Дарья уже не стонала, ея руки безсильно повисли на пол.

—А, другой щенок? крикнул офицер, нагибаясь под лавку. Вылезай!

Гришутка молчал и не трогался, плотно прижавшись к стенке.

— Лявков, пощупай-ка его.

Лявков нагнулся.

— Надо-же добиться, куда подевался этот дьявол.

Лявков потянул ребенка за ухо и вытащил на середину избы.

— Ну-ка, коммунар, где отец?

— Не знаю, дяденька!

— Не знаешь, паршивец? ... а!

Завыл Гришутка.

... Но что случилось? ... дрожала земля, раздался топот лошадиных копыт, застрекотал пулемет.

Спасайся, ребята!—донесся крик с улицы. Красноармейцы!

Рыженатый и черненький и трое остальных ринулись прочь из избы, опрокинув лампу: и свет погас.

Но в темноте их встретили залпом уже окруживших избу защитников советской власти. Пули пронизали палачей и, тяжело раненые, они попали в плен.

Пощады им не будет. *Арский.*

Памяти Урицкого.

Спи, наш товарищ, пало убитый
В спину коварной рукой.
Гордо боролся с изменой открыто,
В бой ты вступил, как герой.
Враг за углом, как змея, притаился —
Пал ты, и враг побежал;
Красный террор разразился,
Затрепетал капитал.
на мгновенье красное знамя
Заколебалось в геройских руках.
Поспешно знамя—вспыхнуло пламя
Мести в рабочих рядах.
Смело, товарищи, время настало
Строить и разрушать—.
Вырвать у змеи поганое жало,
Белую гвардию смять! *Н. Пр.*

Типография А. Ф. ... печати в ... "Левиафан", Петроград, ...